

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 6 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

3

М А Й   И Ю Н Ъ

1 9 6 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В советской этнографической науке давно назрела потребность в деловом обсуждении проблем родовой, большесемейной и соседской общины, парной и моногамной семьи, матри- и патрилинейной филiaiции. В статье Ю. П. Аверкиевой, А. И. Першица, Л. А. Файнберга, Н. Н. Чебоксарова «Еще раз о месте материнского рода в истории общества (по поводу статьи Н. А. Бутинова „Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи“)»¹, эти проблемы решаются с позиций материнско-родовой теории первобытности. Впервые, пожалуй, эта теория изложена с такой полнотой и определенностью, в результате чего явственно проступили ее слабые места.

Материнско-родовая теория первобытности, защищаемая авторами статьи, по существу отождествляет доклассовое общество с материнским родом. Материнский род первичен, т. е. возникает в начале верхнего палеолита как первая форма человеческого общежития, и универсален, т. е. господствует вплоть до появления частной собственности, когда он уступает место у одних племен отцовскому роду, у других — соседской общине. Далее авторы статьи утверждают, что на всем протяжении первобытной истории материнский род представляет собою хозяйственный коллектив. Они полагают, что в палеолите и неолите господствовал дислокальный брак, муж и жена принадлежали к разным общинам, и поэтому каждая община была одновременно родом. Так выглядит, пишут авторы статьи, «эпоха матриархата, или материнского рода, в понимании классиков марксизма» (стр. 200). Надо сразу сказать, что первобытность в понимании классиков марксизма, с одной стороны, и в понимании авторов статьи, с другой, это далеко не одно и то же. Так, утверждается, будто Энгельс трактовал «историю первобытного общества как историю родового строя» (стр. 200), но, по Энгельсу, родовой строй становится господствующим сравнительно поздно. Энгельс считал род явлением «во всяком случае более поздним»², чем брачные классы. Мысль о дислокальном браке, свойственная авторам статьи, была чужда Энгельсу; до возникновения рода, писал он, преобладал брак путем похищения женщины³, а затем появился матрилокальный брак. Мысль о возможности перехода от материнского рода непосредственно к соседской общине также была несвойственна Энгельсу; он считал, что отцовский род является обязательной стадией, через которую должны пройти все племена⁴. Энгельс, далее, различал (в отличие от авторов статьи) хозяйственный коллектив, с одной стороны, и род — с другой. Характеризуя коммунистическое домашнее хозяйство прокесов, он писал, что в нем «все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам»⁵ и указывал затем, что о престарелых, больных и инвалидов заботятся «коммунистическое хозяйство и род»⁶. Наконец, сам термин «эпоха матриархата», приписываемый классикам марксизма, в их трудах не встречается.

Маркс, Энгельс и Ленин видели в первобытности в первую очередь доклассовое общество, в котором нет частной собственности, моногамной семьи, социальных классов и государства. Такое общество есть у племен, имеющих материнский род, и у племен, не имеющих его. Маркс и Энгельс создали основы учения о доклассовом об-

¹ «Сов. этнография», 1963, № 3, стр. 200—205.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 49.

³ Там же, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 59—60.

⁵ Там же, стр. 53; см. также стр. 43, 46.

⁶ Там же, стр. 98.

шестве задолго до появления трудов Бахофена, Мак-Леннана и Моргана, и связали его с определенным способом производства материальных благ, понимаемым как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений (а вовсе не с материнским родом, о котором тогда еще ничего не было известно). Ленин резко критиковал тех, кто «экономическую теорию Маркса согласны отнести в „частности“, сопоставить с вопросом о происхождении матриархата»⁷. Эти слова Ленина попадают не в бровь, а в глаз сторонникам материнско-родовой теории первобытности⁸, и авторы статьи, в частности, проявляют недовольство, когда им об этих словах напоминают. Они пишут: «Н. А. Бутинов пытается свой вывод о неприципиальности материнского рода (надо было сказать: вопроса о происхождении материнского рода.— Н. Б.) приписать В. И. Ленину. Для этого Н. А. Бутинов фактически грубо искажает сущность полемики Ленина с Плехановым по поводу ревизионизма Маслова» (стр. 202). На деле взгляды Ленина изложены мною совершенно точно, и сами авторы статьи вынуждены признать, что вопрос о времени и причинах возникновения материнского рода (именно об этом писал Кунов) является частным вопросом для марксистской теории. Вот их собственные слова: «Ленин замечает по этому поводу, что нельзя коренное расхождение Маслова по вопросу об абсолютной ренте приравнивать к частному вопросу, к расхождению («отчасти») насчет происхождения матриархата» (стр. 203). Они не будут спорить с тем, что вопрос о производительных силах и производственных отношениях (например, о формах собственности) в доклассовом обществе имеет для марксизма не меньшее значение, чем вопрос об абсолютной ренте.

Нельзя согласиться с авторами статьи, когда они полагают, будто для того, чтобы «поколебать теорию марксизма о единстве путей развития человеческого общества, о временном, переходящем характере капиталистического общества» (стр. 200), будто для всего этого достаточно доказать, что материнский род не первичен и не универсален. Это совершенно неверно. Во-первых, сами классики марксизма считали материнский род первичным лишь по отношению к отцовско-правовому роду античных народов, но не по отношению к брачным классам австралийцев. Во-вторых, марксистская теория первобытности покоится на гораздо более солидном фундаменте, чем материнский род. Я уверен, что авторам статьи это хорошо известно, просто они чрезмерно увлеклись в пылу полемики. Материнско-родовая теория, защищаемая ими столь горячо, не подтверждается, к сожалению, фактами.

На заре этнографической науки весьма заманчиво было противопоставить патрилинейной филлиации, обязательной для античного и более развитых обществ, матрилинейную, как обязательную для первобытности. Во времена Бахофена и Мак-Леннана материал по этнографии отсталых племен был крайне ограничен, и не мешал им сделать такой вывод.

Еще в начале нашего века можно было писать, как это делал М. М. Ковалевский, будто «на протяжении всего Нового Света материнский род является доселе господствующим», и находить материнский род также на островах Тонга, Мадагаскаре⁹.

Теперь мы знаем, что у наиболее отсталых народов (австралийцы, бушмены, кубу, семанги, аэты) существует патрилинейная филлиация. Количественное накопление фактов дало новое качество. Патрилинейность, по мнению многих советских этнографов, появилась задолго до античной стадии развития, она возникает впервые не позже мезолита. Конечно, это такая патрилинейность, в которой родство носит не индивидуальный, а групповой характер, и имущество наследуют, поэтому, все агнаты в рамках рода. Такое агнатное право следует строго отличать от отцовского права, когда имущество переходит от отца к детям, в рамках семьи.

По мере того, как факты, накапливаемые наукой, предоставляют значительно большее, чем раньше, место в первобытности патрилинейному роду, сторонники материнско-родовой теории, не желая считаться с этими фактами, ставят себя все в более тяжелое положение.

Авторы статьи, в частности, не согласны с тем, что папуасы до колонизации жили, а кое-где живут и сейчас¹⁰ в условиях каменного века и общинно-родового строя. Они заявляют, что «Н. А. Бутинов не сумел разобраться в одном только новогвинейском этнографическом материале и грубейшим образом архаизировал изучаемое им общество» (стр. 202). Кстати, слова «грубо», «грубейшим образом», встречающиеся в их статье, дают представление о тоне их полемики. Авторы статьи пытаются найти у папуасов частную собственность на землю, а также моногамную семью и соседскую об-

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 258 (подчеркнуто Лениным).

⁸ Вот почему М. О. Косвен, которого можно считать создателем этой теории, в своей книге «Матриархат. История проблемы», М., 1948, процитировав всех, кто хотя бы случайно обмолвился словом «матриархат», об этих словах Ленина предпочел умолчать, как будто их вовсе нет.

⁹ М. М. Ковалевский, Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, СПб., 1905, стр. 98.

¹⁰ См. П. В. Кошкин, Полгода в Западном Ириане, «Сов. этнография», 1964, № 1, стр. 133 и сл.

щину. Но это им не удается, как не удалось и тем, кто пытался сделать то же самое, руководствуясь верой в извечность этих институтов.

Доказать наличие у папуасов коллективной собственности на землю, напротив, нетрудно. Для этого достаточно сослаться на труды Н. Н. Миклухо-Маклая, С. А. Токарева, В. М. Бахты, на том «Народы Австралии и Океании». Все зарубежные исследователи, за исключением тех немногих (Хогбин, Посписил), кто открыто доказывает извечность частнособственнических отношений, пишут о коллективной собственности на землю на Новой Гвинее. Если авторы статьи сочтут, что этого все же недостаточно, я добавлю, что один из них тоже писал о родовой собственности на землю у ряда папуасских племен¹¹. Теперь же он, вместе со своими соавторами, приписывает папуасам частное землевание (стр. 202). Позволительно спросить, чем вызвано такое изменение взглядов, и из каких источников почерпнуты новые сведения?

Доказать наличие на Новой Гвинее парной семьи тоже нетрудно. Семья у папуасов не в состоянии самостоятельно вести хозяйство, муж и жена раздельно владеют имуществом, не могут наследовать друг другу, принадлежат к разным родам, и даже нередко живут в разных хижинах: мужа — в мужском доме, вместе с другими взрослыми мужчинами родовой общины, а жена — в семейной хижине, с малолетними детьми.

Между тем авторы статьи утверждают, что у папуасов не парная, а «индивидуальная семья» (стр. 201). Прежде всего, сам термин «индивидуальная семья», широко распространенный в зарубежной науке, мне представляется не вполне четким. Один из авторов статьи в свое время справедливо отмечал, что буржуазные этнографы сознательно подводят под этот расплывчатый термин как парную, так и моногамную семью, с целью доказать извечность последней¹². Далее, причины, по которым авторы статьи характеризуют папуасскую семью как экономическую ячейку, мне представляются недостаточными. Сошлюсь вновь на слова одного из них: «Несомненно, что эти сожительствующие пары и у современных отсталых народов, и в первобытном обществе могли временами бродить отдельно, занимать отдельную хижину в общем стойбище или отдельное помещение в общем доме, даже делать известные запасы. Однако все это не делало пару экономической ячейкой общества»¹³. Все это совершенно верно, и остается спросить, почему теперь авторы статьи употребляют нечеткий, как им известно, термин «индивидуальная семья», и почему они теперь, противореча самим себе, считают наличие некоторых второстепенных хозяйственных функций у семьи достаточным основанием для того, чтобы объявить ее экономической ячейкой? Наконец, нетрудно доказать и наличие у папуасов родовой общины. Население папуасской деревни, как правило, состоит: 1) из группы мужчин, которые совместно трудятся, сообща владеют землей, мужским домом (в котором они живут), лодками, сообща решают важные дела, и ведут свое происхождение от общего предка, т. е. принадлежат к одному роду; 2) из незамужних сестер и дочерей мужчин, принадлежащих к тому же роду, и 3) из жен мужчин, пришедших сюда из других деревень и принадлежащих к другим родам. Женское население деревни вместе с малолетними детьми ютится в женских хижинах, окружающих мужской дом. Род строго экзогамен (до сих пор), связи по родству очень прочны. Несмотря на все это, авторы статьи утверждают, что у папуасов «не родковая община, а нечто вроде деревенской, территориальной общины» (стр. 201). Сказав о папуасской общине, что она «территориальная», авторы статьи ничего не сказали о том, какая же это община — родковая, большесемейная или соседская. Дело в том, что экстерриториальных общин не бывает, так как невозможно быть в общине (любой), совместно владеть землей (а без этого нет общины), не живя на одной территории, в одной локальной группе, как у австралийцев, или в одной деревне, как у папуасов. Это так же верно, как и то, что род (если община родковая) всегда экстерриториален, часть членов рода живет на своей территории, а другая часть покидает ее и переселяется на другие территории. Нетрудно, конечно, догадаться, что под «территориальной» авторы статьи понимают соседскую общину. Но о главной причине, по которой они считают папуасскую общину соседской, они в данной статье почему-то умолчали. Причина же эта, как видно из других их работ, состоит в том, что в папуасской деревне живут вместе мужчины, принадлежащие к одному роду, и их жены, принадлежащие к другим родам. По мнению авторов статьи, в родовой общине все мужчины и все женщины должны принадлежать к одному роду; в ней не должно быть мужей и жен, должны быть только братья и сестры (а их жены и мужья должны жить в других общинах, на других территориях, и осуществлять свои брачные права путем посещений). Раз в папуасской общине живут мужья и жены, принадлежащие, согласно обычаю экзогамии, к разным родам, то это уже, будто бы, не родковая община, а соседская. Если эту мысль продолжить дальше, то мы приходим к выводу,

¹¹ А. И. Першин и ц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. «Проблемы истории первобытного общества». Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 154.

¹² Ю. П. Аверкиев, Неэволюционизм в современной американской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 26.

¹³ А. И. Першин и ц. Указ. раб., стр. 462.

что и у австралийцев, и у огнеземельцев, и у всех вообще наиболее отсталых племен — не родовая община, а соседская (так как дислокальный брак им не свойствен). Видно, что родовая община имеется лишь у шести-семи народов (ашанти, наяры, пами и т. д.), практикующих частично дислокальный брак. Но у них-то как раз община не родовая, а большесемейная.

На Новой Гвинее имеется несколько мест, где под влиянием сначала индонезийцев, а затем европейцев начали складываться товарно-денежные отношения, и соседская община приходит на смену родовой¹⁴. Но в основном это происходит в окрестностях городов, которые, как известно, появились на острове лишь после колонизации. Подавляющее же большинство папуасского населения до сих пор не связано с городами, ведет замкнутое натуральное хозяйство и живет родовыми общинами.

Кто не мыслит себе родовую общину без материнского рода и дислокального брака, тот может занять и другую позицию: заявить, что патрилинейный и патрилокальный вариант родовой общины представляет собой результат европейской колонизации. Так, в частности, поступают в ряде случаев и авторы статьи.

Отцовский род у аборигенов Австралии, — пишет один из них, — это «результат распада их древней последовательно матриархальной организации за последние 150 лет под влиянием европейской колонизации»¹⁵. То же в Южной Америке, в частности, в Бразилии. «В более далеком прошлом (до колонизации) у всех племен Бразилии был материнский род» — пишет другой автор статьи¹⁶. То же — в Северной Америке. «К началу XIX в., — пишет третий автор статьи, — под непосредственным или косвенным влиянием колонизации, общественное устройство всех индейских племен Северной Америки приходит к распаду материнского рода и формированию патриархальных норм»¹⁷.

Капиталистическая колонизация — страшная вещь в жизни отсталых народов. Но этнография не была бы наукой, если бы этнографы не умели реконструировать то, что было до колонизации. Кроме того, у многих племен этнографы изучали патрилинейный род до колонизации. Наконец, и в условиях колониального гнета народы умеют сохранять свои обычаи (микронезийцы пережили три колонизации: испанскую, германскую, японскую, сейчас они находятся под гнетом США и, несмотря на это, сохраняют патрилинейность), и этнографы эти обычаи изучают.

Морган доказал, что по фактам этнографии можно судить о более ранних стадиях, чем античная. Этот метод многим показался неожиданным. Но Морган соединил социальную историю древних греков там, где она обрывалась (не было письменных документов), с социальной историей ирокезов, и произошло слияние, как будто это были две части единой некогда раздробленной монеты. Читая «надписи» на ирокезской части монеты, Морган восстановил то, что было почти совсем стерто временем на части античной, и разрешил многие загадки античной истории. Но еще важнее было то, что он нашел новый источник для изучения доантичной истории. Он показал, что лестница, ведущая в наше социальное прошлое, не обрывается там, где кончаются письменные документы, она имеет продолжение в фактах жизни бесписьменных народов, т. е. в фактах этнографии. Революция во взглядах — вот как охарактеризовал Энгельс это открытие Морган. «Всякому ясно, — писал он, — что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории»¹⁸. Это открытие, отмечал далее Энгельс, «имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии»¹⁹.

Буржуазная наука до сих пор не хочет признать тот очевидный факт, что за древним греком стоит ирокез. Что касается советских этнографов, то они, наоборот, считают, что лестница в социальное прошлое на ирокезе не обрывается: за спиной ирокеза стоит, например, папуас, а за спиной папуаса — австралиец. Поэтому невозможно согласиться с авторами статьи, когда они утверждают, что нельзя судить о доклассовом обществе по папуасам (у них, будто бы, частная собственность, моногамная семья), а также по австралийцам, южноамериканским и североамериканским индейцам (у них будто бы все искажено и разрушено колонизацией). Авторы статьи полагают, что они ставят этим под сомнение лишь патрилинейный вариант доклассового общества. На деле же они ставят под сомнение все факты этнографии как источник для изучения первобытности. Согласиться с этим, конечно, нельзя. Кстати, авторы статьи ошибаются, полагая, будто мое отрицательное отношение к их теории вытекает из моих «ошибочных теоретических взглядов» (стр. 205). Это не так. Просто я взглянул на первобыт-

¹⁴ См. Н. А. Бутин, *Западный Иран*. «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 145.

¹⁵ А. И. Першиц, *Указ. раб.*, стр. 157.

¹⁶ Л. А. Файнберг, *Индийское население Бразилии*, «Бразилия. Экономика, политика, культура», М., 1963, стр. 127.

¹⁷ Ю. П. Аверкиева, *Новая попытка классификации результатов исследований по этнографии коренного населения Северной Америки*, «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 160.

¹⁸ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, М., 1953, стр. 17.

¹⁹ Там же, стр. 17.

ность с позиций конкретных родовых общин с их совместным трудом, общей собственностью, коллективным распределением и потреблением²⁰. Для меня вопрос о материнском роде, дислокальном браке, почетном положении женщины в семье и обществе — это дело не принципов, а фактов.

Внимание к родовой общине (приходится начать с этого) не связано с именами Мезера, Грэбиера, Старке, Вестермарка, Лоуи и Мёрлока. Для всех буржуазных этнографов характерно то, что из трех величин, свойственных общинно-родовому строю (родовая община, парная семья, род), они изучают в первую очередь семью и род, и лишь в последнюю — родовую общину. Так, Линтон признавал, что «антропологи по ряду причин обращают гораздо большее внимание на семью и ее дериваты (в число которых входит, по Линтону, и род. — Н. Б.), чем на локальную группу, хотя последняя, конечно, не менее важна, чем семья»²¹.

По Мёрдоку, есть две основных социальных единицы — это семья и род. Семья — первая «линия защиты», род — вторая. Что же касается родовой общины, то это всего-навсего, как пишет Мёрдок, «компромиссная родственная группа»²².

Напротив, многие советские этнографы считают, что основной единицей первобытного общества является именно родовая община. В последние годы все более часто проводится различие между родовой общиной, с одной стороны, и родом, с другой. Авторы статьи, правда, считают меня чуть ли не единственным, кто проводит такое различие, но это — слишком большой комплимент, которого я не заслужил.

Родовая община, в частности, папуасская, имеет сложный состав: постоянное ядро (мужчины), временную часть (сестры и дочери мужчин), пришлую часть (жены мужчин). Не все члены родовой общины принадлежат к одному и тому же роду. В процессе труда разные члены общины выполняют различные функции, и права на землю данной общины у них тоже разные. Община имеет своего вождя, совет взрослых мужчин. Многие проблемы первобытности встают перед нами по-новому, если подойти к ним с позиций такой родовой общины, и это уже само по себе неплохо. Не понимаю, почему это должно вызывать «в широких кругах советских этнографов», как пишут авторы статьи, «большое беспокойство» (стр. 200).

Авторы статьи высказали свое резко отрицательное отношение к теории родовой общины, и нам надо выяснить, чем вызвана такая оценка — тем, что теория родовой общины не соответствует, по их мнению, фактам, или тем, что она не соответствует их взглядам. Фактов, которые опровергали бы эту теорию, они не приводят. Думаю, что единственной причиной являются их взгляды, в частности, их отождествление родовой общины с родом. Они проводят это отождествление не только с помощью тезиса о дислокальном браке (существование которого в прошлом не доказано), но и просто так. Например, один из них, задав вопрос: что представляет из себя локальная группа австралийцев, тасманийцев, семангов, велда или бушменов, решительно отвечает: «Несомненно, род»²³. Я в этом далеко не так уверен, как он. В каждой из этих локальных групп есть ядро, т. е. люди, живущие здесь со дня своего рождения и принадлежащие к одному роду, и есть люди, пришедшие извне, живущие здесь только после брака, и принадлежащие к другим родам. Локальная группа у этих племен состоит из парных семей, а род, по причине экзогамии, никогда ни у каких племен из парных семей не состоит.

Отождествление родовой общины с родом мешает составить правильное представление не только о родовой общине, но и о роде. Так, один из авторов статьи пишет, будто у южноамериканских племен кубео и уитото «род состоит из парных семей»²⁴. Это возвращает нас к временам Грота, Нибура, Моммзена, которые, как писал Энгельс, «не справились с вопросом о роде», потому что «всегда видели в нем группу семей». Энгельс подробно разъясняет, что род не мог состоять из семей, «потому, что муж и жена неизбежно принадлежат к двум различным родам»²⁵.

Естественно было ожидать, что вопросу о структуре первобытного хозяйственного коллектива авторы статьи уделяют достаточное внимание. Между тем они ограничились голословным отрицанием тезиса о несовпадении родовой общины с родом. По существу, они уклонились от серьезного обсуждения главного вопроса.

Авторы статьи затрагивают и такие вопросы, как редактирование научных трудов. Они заявляют, что «Н. А. Бутников не сумел на должном уровне осуществить ответ-

²⁰ Н. А. Бутников, Разделение труда в первобытном обществе, «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 109—150.

²¹ R. Linton, *The study of man*, New York, 1936, стр. 209.

²² G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1949, стр. 43, 72.

²³ А. И. Першиц, Указ. раб., стр. 156—157.

²⁴ Л. А. Файнберг, О формах социальной организации индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в., «Американский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LVIII, М.—Л., 1960, стр. 136—138.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, ст. 102.

ственное редактирование сборника» (стр. 205). Мне, как ответственному редактору сборника, хотелось сочетать убежденность в правильности своих взглядов с уважением к взглядам моих коллег. Так, Ю. М. Лихтенберг, автор статьи «Системы родства папуасов Новой Гвинеи», помещенной в сборнике, пришла к выводу, что родовой строй всех папуасских племен начал разлагаться. С этим выводом я не согласен, тем не менее, подписал эту статью к печати потому, что признаю за автором право иметь свою точку зрения.

Меня огорчает стремление авторов статьи во что бы то ни стало опорочить ценную работу В. Р. Кабо «Каменные орудия австралийцев». Ни ее автор, ни редактор не могли скрыть того факта, что руководящую роль в локальных группах играли мужчины (а не женщины, как этого хотелось бы авторам статьи). Выходит, что материнско-родовая теория первобытности не только ошибочна сама по себе, но и не дает возможности правильно оценить взгляды других на родовую общину, род, экзогамия, парную и моногамную семью, положение мужчины и женщины в семье и обществе, место и роль матри- и патрилинейной филлиации.

Что касается некорректных выпадов, допущенных авторами статьи в мой адрес, я думаю, что на все это можно ответить спокойно: Юпитер, ты серднишься, стало быть, ты неправ.

Н. А. Бутиков

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи!

В журнале «Советская этнография» № 3 за 1963 год помещена статья Ю. Аверкиевой, А. Першица, Л. Файнберга и Н. Чебоксарова «Еще раз о месте материнского рода в истории общества». В этой статье упоминается моя работа «Каменные орудия австралийцев»¹, несмотря на то, что проблема материнского рода в этой работе совершенно не рассматривается. Авторы пишут: «В статье В. Р. Кабо имеет место архаизация аборигенного австралийского общества, руководящая роль мужчин в обществе нслед за буржуазными исследователями связывается с направлением хозяйства (охотой) и т. д. Ряд ошибок, содержащихся в этой статье, объясняется, на наш взгляд, тем, что автор почти не использовал богатую советскую литературу по австраловедению» (стр. 205).

Прошу Вас опубликовать мое письмо и тем самым дать мне возможность ответить по существу.

1. Авторы статьи не указывают, что они имеют в виду, говоря о том, что в моей работе «имеет место архаизация аборигенного австралийского общества». Неужели они хотели бы, вопреки фактам, утверждать, что в австралийском обществе, каким его увидели европейцы в XVII—XIX вв., отсутствовал коллективизм производства и потребления, существовали частная собственность, отношения господства и подчинения, моногамная семья? Нет, все это было чуждо австралийскому обществу. Это было типичное родовое общество с хозяйством присваивающего типа. Таким оно оставалось до начала XX в. и в некоторых районах Австралии остается до сих пор. Как известно, Л.-Г. Морган² и Ф. Энгельс³ отнесли австралийцев, по уровню развития их культуры, к «средней ступени дикости». Не считают ли авторы статьи эту оценку, которой я руководствовался в своей работе, «архаизацией» австралийского общества? Характеристика австралийского общества, данная в моей работе, ничем, по существу, не отличается от характеристики его, данной в книге «Народы Австралии и Океании», изданной под редакцией С. А. Токарева и С. П. Толстова⁴. Надо добавить, что специальная глава в моей работе посвящена изменениям, которые произошли и происходят в аборигенном обществе в связи с колонизацией и внедрением металлических орудий.

2. Авторы статьи пишут, что я связываю руководящую роль мужчин в австралийском обществе с направлением хозяйства (охотой). Самый факт, что взрослые мужчины играли в этом обществе руководящую роль, авторы не отрицают, ибо этот факт общезвестен. Отметив это явление как твердо установленное наблюдениями и исследованиями XIX—XX вв. (к этому периоду и относится моя характеристика австралийского общества, как это указано в моей работе на стр. 67 и 68), я пытаюсь дать ему

¹ Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXX, М.—Л., 1962, стр. 3—106.

² Л.-Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 9.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 21 и 45.

⁴ «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956.

материалистическое объяснение, анализируя факты, а не следуя «буржуазным исследователям». Причем на самом деле я связываю его не только с охотой. На стр. 68 указывается целый комплекс факторов, которые, по моему мнению, оказывали воздействие на общественные отношения у аборигенов. Это, во-первых, характер мужского труда, его более высокая техническая оснащенность, тот факт, что мужчины производили и распоряжались основными орудиями труда. Во-вторых, это охота, важное социальное значение которой мною обосновано. Кстати, роль охоты в переходе от женского к мужскому счету родства отмечена в книге «Народы Австралии и Океании»⁵. Наконец, в-третьих, это почти повсеместный обычай патрилокальности брака, вследствие чего мужчины оставались в своей родовой общине, на своей земле, а женщины уходили или приходили из других родовых общин. Далее я пишу: «Отмеченные экономические причины в своей совокупности достаточно убедительно объясняют руководящее положение мужчин в австралийских общинах». Если авторы статьи не согласны с моим объяснением, они вправе, разумеется, предложить свое собственное. Однако они этого не делают.

3. Наконец, авторы статьи упрекают меня в том, что я «почти не использовал» советскую литературу по австраловиению. И это неверно. Во введении к своей работе я пишу: «Большую помощь автору оказали работы советских этнографов и археологов, особенно капитальный труд, изданный Институтом этнографии Академии наук СССР в серии «Народы мира», в котором впервые на русском языке всесторонне и глубоко рассмотрены хозяйство, общественный строй, материальная и духовная культура австралийцев»⁶. Имеется в виду книга «Народы Австралии и Океании», вышедшая под редакцией С. П. Толстова и С. А. Токарева. Кроме того, как это видно из многочисленных ссылок в моей работе, мною использованы другие работы С. А. Токарева, а также работы П. И. Борисковского, Н. А. Бутинова, П. П. Ефименко, С. Н. Замятниной, Д. К. Зеленина, А. М. Золотарева, М. О. Косвена, А. Н. Максимова, А. П. Окладникова, Б. Ф. Поршнева, С. А. Семенова, А. Спиркина, А. А. Формозова, Ю. П. Францева, Г. Ф. Хрустова (в том числе неопубликованные и находящиеся в архивах работы А. М. Золотарева и П. И. Борисковского). Разумеется, использованы только те работы советских авторов, которые имеют отношение к теме моего исследования. Я думаю, однако, что задача самостоятельной творческой научной работы состоит прежде всего в том, чтобы исследовать факты.

В. Р. Кабо

⁵ «Народы Австралии и Океании», стр. 169.

⁶ В. Кабо, Каменные орудия австралийцев, стр. 6.

ПО ПОВОДУ ПИСЕМ Н. А. БУТИНОВА И В. Р. КАБО

Говорят, что истина рождается в спорах. К этому следует добавить: только в таких спорах, которые ведутся с соблюдением известных правил. Истина не может родиться, например, в тех случаях, когда суждения противника будут искажены и объектом полемики станут не его собственные, а домысленные за него взгляды.

В своем ответе на рецензию Ю. Аверкиевой, А. Перинца, Л. Файнберга и Н. Чебоксарова Н. А. Бутинов предъявил авторам несколько обвинений: голословность, уход от существа дела, некорректность. К ним мы вернемся позже. Пока же отметим, что обвинения в нарушении правил полемики среди выдвинутых Н. А. Бутиновым обвинений нет. К сожалению, мы не можем ответить ему тем же. Приведем в качестве примера только один — а именно 2-й — абзац его письма.

«Материнско-родовая теория первобытности, защищаемая авторами статьи (имеется в виду рецензия.— *Авторы*) [1], по существу отождествляет доклассовое общество с материнским родом. Материнский род первичен, т. е. возникает в начале верхнего палеолита как первая форма человеческого общежития, и универсален, т. е. господствует вплоть до появления частной собственности, когда он уступает место [2] у одних племен отцовскому роду, у других — соседской общине. Далее, авторы статьи утверждают, что [3] на всем протяжении первобытной истории материнский род представляет собой хозяйственный коллектив. Они полагают, что [4] в палеолите и неолите господствовал дислокальный брак, муж и жена принадлежали к разным общинам, и поэтому каждая община была одновременно родом [5]. Так выглядит, пишут авторы статьи, «эпоха матриархата, или материнского рода, в понимании классиков марксизма» (стр. 200) (разрядка всяюда наша.— *Авторы*). А теперь обратимся к тексту рецензии. Там нет — ни по существу, ни по форме — отождествления доклассового общества с материнским родом, да и не могло быть, так как авторы знают, что доклассовое общество включало,

рядя с эпохой материнского рода, по меньшей мере еще и эпоху первобытного человеческого стада. Там ничего не говорится об историческом соотношении отцовского рода и соседской общины, да и не могло говориться, так как у авторов нет по этому поводу общего мнения. Там нет утверждения, что материнский род был хозяйственным коллективом на всем протяжении первобытной истории, да и не могло быть, так как авторы знают, что в разитом матриархате хозяйственные функции рода перешли к так называемым коммунистическим домохозяйствам, или материнским семьям. Там ни слова не сказано, как долго господствовал дислокальный брак, да и не могло быть сказано, так как часть авторов относит его лишь к начальной поре матриархата, а в его поздних формах видит рецидив, связанный с переходом от матриархата к патриархату. И, наконец, авторы рецензии никогда не позволили бы себе приписать классикам марксизма такое собрание собственных домыслов, какое приписал авторам Н. А. Бутинов. На самом деле в тексте рецензии сказано: «Эпоха матриархата, или материнского рода, в понимании классиков марксизма — это не только счет родства по материнской линии, но прежде всего коллективизм производства и потребления, общественная собственность на основные орудия и средства труда, отсутствие частной собственности, отношений господства и подчинения, моногамной семьи и веры в единого бога, т. е. отсутствие тех признаков, которые объявляются буржуазной наукой извечными чертами человеческого общества» (стр. 200).

Итак, в тринадцать строчках текста пять искажений. Не слишком ли много? Не странная ли манера полемики в посах истины?

Не больше могут способствовать установлению истины какие-либо ссылки на суждения, высказанные противником в его прежних работах. Что, например, изменится в нынешнем споре, если мы напомним о том, что в 1951 г. Н. А. Бутинов иначе оценивал значение дислокального брака или роль европейской колонизации в судьбах матриархата у австралийцев? Поэтому мы не видим смысла в обсуждении приведенных Н. А. Бутиновым выдержек из работ Ю. П. Аверкиевой, А. И. Першца и Л. А. Файнберга, хотя было бы нетрудно доказать, что некоторые из этих выдержек также искажены, некоторые же могут быть поняты только в контексте.

Еще одним бесперспективным путем поисков истины следует признать упражнения с цитатами из марксистской классики, обращение не к общему смыслу работ и концепций, а к отдельным высказываниям. Известно, что если оперировать цитатами, тем более выхваченными из контекста, тем более усеченными, то можно доказать все, что угодно. По-видимому, Н. А. Бутинов и в своей работе 1963 г., и в нынешнем письме в редакцию часто идет именно этим путем. Вероятно, и авторы рецензии несколько увлеклись этой хитроумной игрой в цитаты. Что касается нас, то мы искренне об этом сожалеем. Поэтому мы позволим себе уклониться от дальнейшего участия в сопоставлении отдельных высказываний классиков о материнском роде. На наш взгляд, достаточно и того общезвестного обстоятельства, что Энгельс считал материнский род первичной по отношению к отцовскому роду универсально распространенной общественной формой и что Ленин, который не разрабатывал проблем первобытной истории, но касался их в своих трудах, не считал нужным его поправить.

Но может быть, Энгельс все же ошибся в своем понимании места материнского рода в истории общества? Ведь с тех пор утекло немало воды и наука во многом шагнула вперед. Разберемся в существо этого вопроса.

Историки первобытности судят о родовом строе преимущественно на основе этнографических материалов по отсталым народам мира. Как правило, эти материалы не старше 18-го века. Но к новому времени и даже задолго до него отсталые народы уже не были первобытными. Они прошли столь же длинный путь, что и самые развитые народы. Судьбы их были сложными: одни в той или иной степени регрессировали, попав в неблагоприятные условия (бушмены, огнеземельцы), другие при всей своей отсталости так или иначе испытали влияние древних или средневековых цивилизаций (пигмеев Конго, ведда). Начавшаяся в позднем средневековье или в новое время европейская колонизация, как бы мы ни оценивали ее последствия применительно к истории отдельных народов, также не могла не оставить следов в жизни населения колоний. Так, С. А. Токарев, исследуя родовой строй в Меланезии, отмечал: «...не всегда можно учесть, что именно в социально-экономических отношениях меланезийцев может быть отнесено за счет влияния европейских торговцев, миссионеров, чиновников, колонистов. Со времени появления первых европейцев в Меланезии прошло более 3½ веков, и за это время местами могли успеть произойти такие изменения в социальных отношениях туземцев, которые, возникнув под влиянием, например, первых торговых отношений с европейцами (XVIII в.), могли быть констатированы наблюдателями, даже сравнительно ранними (середина XIX в.), как уже существующие факты и без установления их действительного происхождения»¹. В общественном строе отсталых народов произошли как бы стратиграфические смещения, приведшие к сосуществованию самых различных и казалось бы несовместимых институтов. История отсталых народов, как правило,

¹ С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 2, стр. 47.

печти неизвестна, их первые этнографические описания обычно фрагментарны, а последующие сделаны уже в эпоху колонизации. Можно ли, принимая во внимание эти обстоятельства, судить по институтам, зафиксированным у того или иного народа в 18, 19 или 20-м веках, о его подлинно первобытных институтах? Очень трудно. Но так как другие способы реконструкции первобытного общества пока существуют лишь в воображении фантастов, приходится довольствоваться тем, что есть. С одним непременным условием: учетом историкоэволюционной специфики истории первобытного общества, т. е. прежде всего учетом всей совокупности данных сравнительной этнографии, наиболее типичных линий общественного развития и общего направления всемирно-исторического процесса.

К тому времени, к которому восходят первые удовлетворительные сообщения о родовом строе, одни племена жили в условиях материнского рода, другие в условиях отцовского рода, у многих же переплетались отдельные элементы обоих этих порядков. Установить на основе наших источников строгую зависимость между типом родовой организации и уровнем развития производства — в этом Н. А. Бутинов совершенно прав — часто невозможно. Так, примитивные сери и относительно развитые минангкабау жили материнско-родовым строем, примитивные огнеземельцы и относительно развитые готтентоты — отцовско-родовым строем. У одних из живших бок о бок племен (австралийцы, индейцы Амазонии) зафиксирован материнский род, у других — отцовский род. Отсюда возможны следующие рабочие гипотезы: 1 — материнский и отцовский род возникли как параллельные линии эволюции, 2 — материнский род предшествовал отцовскому, 3 — отцовский род предшествовал материнскому.

Первая гипотеза, сторонником которой недавно выступил Н. А. Бутинов, привлекает своей кажущейся простотой. Но нам она представляется бесперспективной. В самом деле, чтобы вступить на путь ее разработки, надо исходить либо из того, что раннепалеолитические первобытные стада превращались в родовое общество в качественно различных условиях, либо из того, что возникновение того или иного типа общественной организации было делом случая. Первое допущение отвергается археологией, второе — марксистской философией.

Остаются две гипотезы, иначе говоря, вопрос о приоритете одного из двух типов рода. В пользу приоритета материнского рода говорит ряд аргументов. Первый из них был выдвинут Бахофеном, Морганом и Энгельсом: в условиях первоначального, группового брака происхождение могло вестись только по материнской линии. На это можно позариться, что в условиях дуально-эзогамного группового брака была известна вся группа отцов. Однако, с другой стороны, вряд ли человек на рубеже своей сапиентации полностью скидывал с счетов и естественную биологическую связь с матерью. Следующий аргумент был выдвинут Тэйлором: у подавляющего большинства патриархальных племен зафиксированы пережитки матриархата, обратная же картина никогда не наблюдалась. Этнографии известно множество фактов перехода от материнского рода к отцовскому и ни одного — перехода от отцовского рода к материнскому. Возразить на это, по-видимому, нечего. Наконец, логичное соображение было высказано Ю. И. Семеновым: при первоначальной дислокальности брачного населения ребенок мог принадлежать только к коллективу матери, что влекло за собой и соответствующий счет происхождения. Возразить на это можно, усомнившись в первичности дислокального брака. Однако известно, что у многих патрилокальных народов отмечены пережитки матрилокальности, а у матрилокальных — пережитки дислокальности (в частности, дислокальность до рождения первого ребенка). Вторая гипотеза подкреплена великим множеством этнографических фактов, систематизированных в работах Бахофена, Моргана, Тейлора, Хартлэнда, Ковалевского, Бриффолта, Косвена, Золотарева и других исследователей. Здесь мы их, естественно, повторять не можем — даже под угрозой обвинения в голословности.

В пользу третьей гипотезы говорит один аргумент — то, что у части австралийских племен, веда, аэта, семангов, сеноев, огнеземельцев, бушменов и некоторых других, принадлежащих к числу наиболее отсталых групп человечества, ко времени их первых этнографических описаний был зафиксирован отцовский род. Это — бесспорный факт, обязывающий сторонников второй гипотезы найти ему объяснение. Скажем прямо, исчерпывающее объяснить его сегодня, при нынешнем состоянии изученности этих народов и в отношении всех этих народов, нельзя. Но и здесь есть одно решающее обстоятельство: сторонникам третьей гипотезы все время приходится расставаться то с одним, то с другим экспонатом из своей коллекции «патриархальных примитивов». Так, в отношении австралийцев уже давно было установлено, что у большинства их отцовско-родовых племен сохранились те или иные обычаи, которые могут быть объяснены только как пережитки материнско-родовых институтов, например, обычай делиться добычей с родственниками по линии матери, родителями жены и т. п. Другие наблюдения показали, что в мифологии некоторых отцовско-родовых племен Австралии очень важное, иногда господствующее место занимают женские образы. Среди части веда обнаружены пережитки матрилинейного наследования. У огнеземельцев зафиксированы пережитки матрилокального поселения и обычный кувады. Среди калифорнийцев, которых долгое время вообще считали не знавшими родового строя, выявлены

остатки матрилинейного наследования и матриликального брака. Таким образом, есть все основания считать, что в дальнейшем развитии этнографии обнаружатся пережитки матриархата и у других «патриархальных примитивов».

Так, конечно, в самых общих чертах обстоит дело с проблемой исторического соотношения материнского и отцовского рода. Другое дело — вопрос о том, почему у некоторых племен отцовский род сочетается с относительно низким уровнем развития производства. Ответа на этот вопрос можно искать только в конкретных особенностях географической среды и исторической обстановки — сочетании природных факторов, специфика хозяйства, влияния соседних обществ, колонизации и т. д. В частности, ранний переход австралийцев к отцовскому роду мог быть связан не только с колонизацией и вызванными ею переселениями, но и с особенностями австралийской фауны, облегчавшими развитие индивидуальной охоты, парцеллизацию труда, возникновение индивидуальной семьи. Ранней патриархальности семангов и сеноев могли способствовать особенно благоприятные условия окружавшего их «тропического рая». Иначе обстояло дело у веда, еще в середине века плативших дань сингалезским королям. Словом, каждый такой случай — это сложнейшая историко-этнографическая проблема, еще ожидающая своего исследователя.

Почему положение о первичности и универсальности материнского рода так существенно для марксистского учения о первобытном обществе? Потому что только исходя из этого положения можно объяснить механизм возникновения и развития родового строя. Потому что именно классический материнский род в наибольшей степени воплощал в себе начала первобытного коммунизма. Потому что любой отцовский род, даже отцовский род примитивных австралийцев, представлял собой более сложную и противоречивую форму, чем классический материнский род, и содержал в себе хотя бы зародыши моногамной семьи, патриархальной власти и т. п.

Как это видно даже из названия рецензии на работу Н. А. Бутинова, центральным пунктом полемики был вопрос об историческом соотношении материнского и отцовского рода. Поэтому мы не можем принять упрек Н. А. Бутинова в том, что рецензенты уклонились от обсуждения главного вопроса полемики. Другой поднятый Н. А. Бутиновым вопрос — о различении понятий «род» и «родовая община» — носит, на наш взгляд, не главный, а второстепенный характер. И раньше советскими историками первобытного общества отмечалось, что с переходом от дислокальности к матриликальности чужак-муж отчасти включался в хозяйственную жизнь рода жены, нарушая тем самым в какой-то степени идеальное экономическое единство родового коллектива. Однако лишь в небольшой степени: парный брак тем-то и отличался от моногамии, что оставался временным и непрочным, не вторгался в отношения родовой собственности и не разрывал хозяйственных связей пришельца со своим собственным родовым коллективом. Предложение Н. А. Бутинова различать в истории первобытного общества понятия «род» и «родовая община» основано на двух моментах: 1) не подкрепленное какими-либо аргументами отрицание начальной дислокальности и как следствие этого распространение некоторых особенностей хозяйственной жизни, свойственных локализованному брачному поселению, на предшествующий период родового строя и 2) преувеличение экономических последствий парного брака и как следствие этого отрицание экономической роли рода. Очевидно, что если не допускать хотя бы этого преувеличения и учитывать, что, в каком бы соотношении ни находились на разных этапах развития материнско-родового строя хозяйственная жизнь рода и хозяйственный быт парной семьи, общий баланс всегда был в пользу рода, всякая надобность в надуманном различении понятий «род» и «родовая община» полностью отпадает. Что же касается различения этих понятий применительно к этнографии папуасов нового времени с их деформированным родовым строем и развившимися элементами патриархата — то почему бы и нет: автором могут быть применены любые заранее дефинированные условные термины. Все же и здесь более удачным, не создающим неверных ассоциаций с ранее установившимися терминами представляется предложенный в 1933 г. С. А. Токаревым применительно к той же общественной ячейке у тех же папуасов термин «родственно-территориальная группа».

И последнее. Хотелось бы подчеркнуть еще раз, что предпринятая в статье Н. А. Бутинова «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинее» попытка мимоходом, без всякой аргументации зачеркнуть разрабатываемую кропотливым трудом двух поколений советских ученых концепцию материнско-родового строя производит весьма неблагоприятное впечатление. Тем не менее, если он счел какие-нибудь выражения нашей рецензии для себя обидными, то мы, разумеется, о них сожалеем.

* * *

В рецензии на статью Н. А. Бутинова была попутно затронута помещенная в том же сборнике статья В. Р. Кабо «Каменные орудия австралийцев». Нельзя не признать, что такие попутные замечания — далеко не лучший вид критики, тем более, что в одном из них — об использовании автором советской австраловедческой литературы — допу-

щено явное преувеличение. Однако основные замечания по-прежнему представляются нам правильными. Визне уже говорилось, что на общем фоне первобытно-исторического процесса «патриархальные примитивы» представляют собой сравнительно редкое атипичное явление. О причинах их необычайно раннего перехода к отцовскому роду пока можно только догадываться, но каковы бы ни были эти причины, сам факт перехода свидетельствовал о начавшемся разложении классического родового строя. Свойственные австралийцам элементы патриархата — патрилокальность, патрилинейность, руководящая роль мужчин — это все-таки признаки не расцвета, а начавшегося увядания рода. Поэтому мы не можем согласиться с оценкой общества австралийцев как «типично родового общества» и считаем, что оценивать его таким образом — это значит архаизировать отцовско-родовой строй. Автор неправ и там, где он объясняет руководящую роль мужчин охотой или патрилокальностью (стр. 68). Охота на всем протяжении времени от раннего палеолита до развитого неолита, как правило, превосходно уживалась с материнским родом, который был взорван не охотой и вообще не тем или иным направлением, а лишь определенным уровнем развития хозяйства. И если у австралийцев этот взрыв произошел раньше, то объяснения, на наш взгляд, следует искать не в старых схемах (охота и скотоводство — господство мужчин, собирательство — господство женщин), а в специфике охотничьего хозяйства Австралии, может быть, в уже отмечавшихся особенностях фауны, облегчивших парцелизацию труда и, следовательно, разложение рода. Что же касается объяснения руководящей роли мужчин патрилокальностью брачного поселения, то вряд ли нужно доказывать, что здесь автор попросту поменял местами причину и следствие.

Остается добавить, что, коснувшись некоторых положений статьи В. Р. Кабо, мы отнюдь не стремились и не стремимся умалить общее значение его в целом весьма солидной и интересной работы. Но мы не могли не обратить внимания, насколько проигрывает она там, где в ней прямо или косвенно отразилась идея исконности отцовского рода.

А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров

От редакции

В письме Н. А. Бутинова, как и в его статье «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи», затронуты такие коренные вопросы первобытной истории, как соотношение материнского и отцовского рода, родовых и производственных отношений, родовой и семейной экономики. Разумеется, в этих вопросах еще не мало отдельных неясностей, и их дальнейшая разработка будет способствовать конкретизации наших знаний о первобытном обществе. Однако выступление Н. А. Бутинова, попытавшегося на основе только новогвинейского материала, без привлечения сравнительных данных и учета всего первобытно-исторического процесса, пересмотреть сложившееся в нашей науке общее представление о месте, характере и роли материнского рода, к сожалению, дает в этом отношении мало полезного. Поэтому редакция, признавая, что в опубликованной в № 3 журнала «Советская этнография» за 1963 г. рецензии Ю. Аверкиевой, А. Першица, Л. Файнберга и Н. Чебоксарова были допущены неоправданные резкости, в целом разделяет критические замечания рецензентов.